

Боголюбский Н., прот. профессор. Памяти великого святителя.
III. Митрополит Филарет и Общество Любителей Духовного
просвещения // Богословский вестник 1918. Т. 1. № 1/2.
С. 25–33 (1-я пагин.).

III.

Митрополитъ Филаретъ и Общество Любителей Духовнаго Просвѣщенія ¹⁾.

Учрежденіе Общества любителей духовнаго просвѣщенія въ Москвѣ представляет собою одинъ изъ наиболѣе привлекательныхъ цвѣтовъ въ разноцвѣтномъ и безсмертномъ вѣнкѣ приснопамятнаго святителя, митрополита Филарета. Поэтому, оно, какъ и всегда прежде, такъ и въ настоящій разъ, въ день совершившагося пятидесятилѣтія со дня его блаженной кончины, считаетъ своимъ прямымъ и желаннымъ долгомъ почтить память его торжественнымъ засѣданіемъ.

„Въ сонмахъ безчисленнаго множества людей обыкновенныхъ во всѣ времена были и есть и мужи избранные, которыхъ Провидѣніе Божіе посылаетъ въ міръ для откровенія славы Своей и для великаго служенія человѣчеству. Пути ихъ жизни подобно свѣту свѣтятся, предходятъ бо и просвѣщаютъ. Отъ нихъ, какъ отъ свѣтилъ небесныхъ, лучи многообразнаго блага разливаются не только на все приближающееся къ нимъ, но и на отдаленныя страны и въ отдаленныя времена. Таковъ былъ почившій въ Бозѣ архипастырь, столпъ и свѣтильникъ Церкви не только Россійской, но и вселенской, богомудрый учитель чистаго богословія, крѣпкій стражъ апостольскаго православія, совѣтникъ царей, высокій образъ пастырей, твердое правило пасомыхъ, строгій подвижникъ, крѣпко стоявшій на стражѣ своей, поражая силою слова враговъ Церкви и свѣтя благотворно и

¹⁾ РЪЧЬ на торжественномъ засѣданіи Общества въ память пятидесятилѣтія со дня блаженной кончины приснопамятнаго святителя Филарета, митрополита Московскаго.

кратко всё́мъ ищущимъ свѣта.“—Таковыми величаво-красивыми словами, совершенно согласными съ истиною, напутствовали почившаго въ Бозѣ святителя, при перенесеніи тѣла его въ Чудовъ монастырь для отпѣванія, одинъ изъ главныхъ учредителей нашего Общества ¹⁾.

Другой изъ славныхъ пастырей ²⁾, близкихъ по духу великому святителю, въ своемъ надгробномъ словѣ при отпѣваніи его такъ характеризовалъ между прочимъ многообразное учительство Филарета. „Содѣйствуя распространенію и утвержденію здраваго ученія вѣры, надлежало ему (почившему) и отстранять навѣваемаыя духомъ времени внушенія неправомыслія. Являлись-ли покушенія самообольщеннаго мудрованія проложить какіе-то свои пути къ внутреннему соединенію съ Богомъ, помимо царскаго пути, указуемаго Церковью; являлось-ли суемудрое желаніе отрицать все таинственное и сверхъестественное въ дѣлѣ вѣры и откровенія; являлось-ли покушеніе, взятое съ примѣра чуждаго, заковать духъ вѣры въ мертвыя формы и такимъ образомъ всякое движеніе богословствующей мысли сдѣлать невозможнымъ;—бдительный взоръ пастыря-богослова скоро обличалъ уклоненія отъ истины православія“..

Наконецъ, вотъ что слышимъ изъ устъ третьяго протоіерея-филаретовца ³⁾ при изнесеніи тѣла почившаго святителя изъ Чудова монастыря въ Троице-Сергіеву лавру для погребенія: „Угасъ свѣтильникъ... Но что же угасло? Угасло горѣвшее вещество, а самый свѣтъ, который озарилъ предъ міромъ глубину истинъ вѣры и высоту жизни христіанской,—онъ не можетъ угаснуть: отъ него остались немерцающіе лучи, общее, драгоценное достояніе всѣхъ родовъ и временъ. Сомкнулись уста, а слово, изшедшее изъ нихъ, облетѣло весь міръ христіанскій, сдѣлалось символомъ православія, воплощеніемъ духовной мудрости, ключемъ для разрѣшенія недоумѣній, печатью истины, неистощимымъ назиданіемъ для паствы, неизмѣннымъ руководствомъ для пастырей...“

1) Протоіерей Н. П. Рождественскій, въ началѣ помощн. предсѣдателя и впослѣдствіи предсѣдатель Общества люб. дух. просв.

2) Протоіерей А. В. Горскій, знаменитый ректоръ Моск. Дух. Академіи.

3) Это былъ протоіерей И. М. Богословскій-Платоновъ.

Общество любителей духовнаго просвѣщенія праздновало столѣтній юбилей памяти приснопамятнаго святителя Филарета (столѣтіе со дня его рожденія), 9 января 1883 года, чрезъ 15 лѣтъ послѣ его преставленія. Въ память о немъ Общество издало два большихъ тома „Сборника“, въ которыхъ разносторонне очерчено служеніе митрополита Филарета въ важнѣйшихъ отрасляхъ его іерархической и ученой дѣятельности. По заявленію составителей Сборника, все составленное и собранное въ печати о приснопамятномъ святителѣ Московской Церкви представляетъ только „каплю въ морѣ“ того, что совершено имъ въ періодъ болѣе чѣмъ пятидесятилѣтняго его архипастырскаго служенія. Поэтому, надѣмся и мы съ своей стороны нѣчто прибавить къ одной „каплѣ“ для выясненія величественнаго и по-истинѣ изумительнаго облика величайшаго изъ святителей россійскихъ. Болѣе обстоятельно и научно имѣютъ совершить это слѣдующіе высокопросвѣщенные докладчики, столь обязавшіе насъ своимъ искреннимъ откликомъ на настоящее собраніе. На мнѣ же лежитъ долгъ выразить нѣкоторыя мысли и чувства, возникающія невольно на почвѣ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи фактовъ, по предмету учрежденія Московскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія, которое не такъ давно праздновало пятидесятилѣтній юбилей своего существованія. Чуть ли не общимъ мѣстомъ стало у свѣтскихъ писателей нашихъ въ характеристикахъ личности и дѣятельности митрополита Филарета—подчеркивать, во-первыхъ, его, будто бы безспорную, тенденцію къ возвышенію единоличной архіерейской власти въ явный ущербъ освященной вѣками православной идеѣ соборности, и, во-вторыхъ, его будто бы общезвѣстную ультраконсервативность, выразившуюся даже въ гоненіяхъ на лицъ, болѣе или менѣе выдававшихся прогрессивными стремленіями. Нѣкоторые изъ подобныхъ біографовъ размалевываютъ свои отзывы о Филаретѣ сгущенными темными красками. Повидимому, имъ хотѣлось бы развѣнчать славу великаго святителя и низвести его съ высокаго пьедестала, на который онъ достойно поставленъ его духовнымъ потомствомъ, питающимся и доселѣ изъ его безсмертныхъ писаній.—Обидное недоразумѣніе кроется въ подобныхъ выступленіяхъ противъ мудрѣйшаго изъ святителей россійскихъ. Мы имѣемъ основанія думать, что такіе писатели—намѣренно или не-

намѣренно—производятъ въ данныхъ случаяхъ подмѣнъ двухъ разнаго круга понятій, и именно—вотъ какой: въ Бозѣ почившему святителю ставится въ вину, какъ архипастырю-начальнику, то, что составляетъ высшую красоту его гениальной личности, предъ блескомъ которой волей-неволей блѣднѣли всѣ, или почти всѣ, современные ему не только дѣятели церковные, изъ которыхъ были въ то время выдающіеся своими дарованіями и знаніями, но и представители наукъ свѣтскихъ и администраторы, пытавшіеся выступать, въ качествѣ прогрессистовъ и инициаторовъ, склонныхъ подрывать ту или иную сторону вселенскаго православія, или нашей русской церковности. *Ина слава солнцу, и ина слава лунѣ, и ина слава звездамъ* (Кор. 15, 41): такъ и дарованія духовныя бываютъ разныхъ качествъ и размѣровъ. И намъ кажется, что будь Филаретъ не митрополитомъ Московскимъ, не занимай вообще высокаго положенія вѣщшняго—все равно, онъ превзошелъ бы всѣхъ своихъ современниковъ глубиною и высокою своею духовной мудрости, по истинѣ необычайной, которую невольно признавали и предъ которою, естественно, склонялись всѣ, входившіе съ святителемъ въ то или иное общеніе—одинаково и зависимые, и независимые отъ него по должности. Міръ не скуденъ умными, высоко-учеными людьми, но провидцевъ и творцовъ всегда бывало немного среди нихъ: *таланты* не всѣмъ даются поровну—*комуждо противу силы его* (Мф. 25, 15). Митрополиту Филарету въ высокой степени принадлежали рѣдкіе дары провидчества и творчества, что чувствуется и теперь при вдумчивомъ чтеніи его златотканыхъ произведеній, что чувствовалось сугубо, разумѣется, непосредственными слушателями или собесѣдниками его, или лицами, имѣвшими возможность вступать съ нимъ въ переписку. И мы, думается, не преувеличимъ, если скажемъ, что написать о Филаретѣ что либо въ полнотѣ и точности, уразумѣть, кто подлинно онъ былъ, каковы были по существу его замыслы и намѣренія—это могъ бы только тотъ, кто одаренъ, подобно самому Филарету, такимъ глубокимъ умомъ и такимъ же воспріятіемъ—и въ логикѣ, и въ интуиціи.

Въ данный разъ мы имѣемъ предъ собою только документы по вопросу объ открытіи въ Москвѣ Общества любителей духовнаго просвѣщенія. И эти документы даютъ намъ

полное основаніе сказать, насколько святитель Филаретъ былъ чуждъ той мелкой ревности въ охраненіи своего авторитета и своей власти, которая встрѣчается въ людяхъ обычной дюжины и которую хотѣли бы навязать великому Филарету его случайные біографы. Документы не говорятъ намъ, кому принадлежала въ собственномъ смыслѣ инициатива основанія въ Москвѣ церковно-просвѣтительнаго Общества—съ научнымъ направлениемъ, при единеніи представителей клира и мірянъ: ему ли лично, или кому либо изъ его сотрудниковъ—пастырей Московскихъ. Можетъ быть, и не ему,—документы объ этомъ умалчиваютъ: очевидно, изъ скромности. Но во всякомъ случаѣ идея созданія такого Общества оказалась по душѣ мудрому святителю, и онъ вседушевно благословилъ начало святого дѣла. Изъ этого уже ясно, что Филаретъ не былъ врагомъ прогрессивной новизны, разъ самъ убѣждался въ томъ, что то или иное начинаніе въ области церковной жизни не является лишь скороспѣлымъ плодомъ недостаточно продуманной мысли, чьей бы то ни было, а возникаетъ какъ логическое слѣдствіе постепеннаго движенія впередъ церковно-общественной мысли и жизни, какъ настойчивое требованіе времени.

Шестидесятые годы для Россіи были эпохой особенно оживленнаго стремленія къ просвѣщенію. Духовенство столицы ясно сознавало потребность въ непрерывномъ пополненіи своихъ знаній и чрезъ чтеніе книгъ, и чрезъ взаимный обмѣнъ мыслей, а также и чрезъ болѣе тѣсное живое общеніе не только съ своими собратами по служенію, но и съ просвѣщенными свѣтскими людьми. Когда митрополиту Филарету былъ представленъ докладъ о желательности открыть епархіальную бібліотеку—это было въ январѣ 1862 года,—Владыка написалъ резолюцію: „Богъ благословитъ исполненіе добраго намѣренія Московскаго духовенства“. При этомъ имъ разрѣшено было выдать книгу для сбора пожертвованій на развитіе дѣла, и самъ онъ сдѣлалъ пожертвованіе деньгами и книгами.

4 ноября того же года собраніемъ духовенства рѣшено было не ограничиться устройеніемъ одной Епархіальной бібліотеки, но и учредить при ней ученое Общество, которое соединило бы въ себѣ всѣ силы духовенства и лицъ другихъ званій, сочувствующихъ успѣхамъ православно-христіанскаго про-

свѣщенія. Когда Владыка-митрополитъ увидѣлъ, что въ союзъ съ духовенствомъ въ дѣль открытія Общества уже вошло нѣсколько достопочтенныхъ свѣтскихъ ученыхъ лицъ, то онъ принялъ уже открыто дѣятельное участіе „въ вожделѣнномъ духовенству и всѣмъ ему сочувствующимъ учрежденіи“. Едва-ли можно сомнѣваться, что онъ самъ помогалъ своими совѣтами и указаніями въ составленіи проекта Положенія о будущемъ Обществѣ и затѣмъ все-таки предложилъ выработанный проектъ на обсужденіе того же собранія духовенства. А по окончательномъ обсужденіи проектъ былъ отправленъ Владыкою отъ своего имени въ Св. Синодъ для исходатайствованія Высочайшаго соизволенія на учрежденіе въ Москвѣ Общества любителей духовнаго просвѣщенія.

Св. Синодъ не замедлилъ „ничтоже сумняся“ представить чрезъ Оберъ-Прокурора докладъ митрополита Филарета на Высочайшее соизволеніе. Не будь то докладъ Филарета, Св. Синодъ подвергъ бы его критикѣ, можетъ быть, замолчалъ бы о немъ, ибо вопросъ былъ въ высокой степени серьезный и новый: еще никто въ Россіи доселѣ не устраивалъ такихъ обществъ и при томъ—на такихъ основаніяхъ, которыя не могли не показаться Синоду слишкомъ выходящими изъ ряда обыкновенныхъ, во-истину либеральными, вольными. Преданіе говорить, что докладчикъ предъ Государемъ былъ далекъ отъ оптимистическихъ ожиданій на счетъ милостиваго принятія доклада объ утвержденіи выработаннаго въ Москвѣ „Положенія“. Вѣроятно, докладчикъ не преминулъ выразить свое смущеніе по содержанію „Положенія“, но Государь—это былъ Александръ II—сказалъ: „для Филарета слѣдуетъ дать соизволеніе“. И оно было дано. Не свыше мѣсяца прошло между временемъ представленія доклада въ Синодъ и дарованіемъ Высочайшаго соизволенія. Все это „для Филарета“, т. е. только для него: тогда и высшія сферы привыкли думать такъ, что цензуры надъ митрополитомъ Московскимъ быть не можетъ.

„Высочайше утвержденное Положеніе объ образованіи въ Москвѣ Общества любителей духовнаго просвѣщенія“—предъ нами. Кто читалъ его, тотъ знаетъ, насколько оно принципиально опередило собою рѣшительно всѣ уставы и положенія объ обществахъ подобнаго рода, тѣмъ болѣе объ учрежденіи

яхъ духовнаго вѣдомства, которое всегда до послѣднихъ дней шло позади другихъ вѣдомствъ во многихъ отношеніяхъ, зорко охраняя нѣкоторые давніе пережитки (напр. консисторіи).—Общество наше поставлено на автономныхъ началахъ, съ широкимъ примѣненіемъ избирательнаго права. Митрополитъ Филаретъ не хотѣлъ ни по праву архіерейскому, ни по праву основателя Общества властно занять подобающее ему первое мѣсто въ Обществѣ. Все вѣдѣніе Обществомъ онъ предоставилъ самому Обществу во главѣ съ избраннымъ Совѣтомъ. Въ IV п. Положенія написано: „Въ составъ Общества входятъ: Попечитель изъ высшаго духовенства, доставляющій Обществу поддержаніе и покровительство и важнѣйшимъ его рѣшеніямъ большую твердость своимъ согласіемъ“... Вотъ въ какихъ деликатныхъ выраженіяхъ отмѣчена возможность и желательность участія въ дѣлахъ Общества представителя высшей епархіальной власти: участія чисто нравственнаго.

Спрашивается: могъ ли ревнитель самодержавной архіерейской власти позволить себѣ и своимъ іерархически подчиненнымъ собратіямъ создать такое вольное „Положеніе“, да еще и провести его чрезъ Высочайшую цензуру? Двухъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ быть не можетъ. Великій святитель земли русской, живой авторитетъ всего церковнаго востока, предоставляетъ созданному имъ Обществу *избирать* себѣ необходимаго покровителя изъ ряда высшаго духовенства, самъ всячески отстраняясь отъ личнаго вмѣшательства въ это избраніе.

Правда, нельзя было сомнѣваться, что таковымъ покровителемъ Общества могъ быть въ то время только тотъ, кто это Общество создалъ и утвердилъ его первые шаги въ работѣ, кто одинъ только и могъ воодушевить своимъ великимъ духомъ всѣхъ дѣятелей новообразовавшагося учрежденія. Общество единодушно постановило особымъ почтительнѣйшимъ докладомъ просить Владыку Митрополита удостоить Общество принятіемъ на себя почетнаго званія его попечителя. Интересенъ отвѣтъ святителя по этому первому докладу.

„Привѣтствую, отцы и братіе,—пишетъ Филаретъ,—Вашъ новый добровольный союзъ, въ который собралась и соединилась Васъ любовь къ духовному просвѣщенію, заключающая въ себѣ любовь къ Богу, къ вѣрѣ, къ благочестію, къ право-

славной Церкви, любовь къ Вашимъ собратіямъ, также сознающимъ нужду и питающимъ желаніе углубить и расширить свои духовныя познанія, но не имѣющимъ для того средствъ и пособій,—наконецъ, вообще любовь къ чадамъ Церкви и желаніе оказать духовную помощь людямъ, при нѣкоторой теплотѣ вѣры нуждающимся въ чистомъ свѣтѣ истины, или преслѣдующимъ призракъ истины и мечты благополучія, но лишеннымъ, или самихъ себя лишаящимъ, жизни по вѣрѣ и надежды блаженства... Не сомнѣваюсь, что такъ понимаете Вы настоящій союзъ Вашъ: и въ семъ значеніи съ надеждою призываю ему благословеніе Отца свѣтовъ“.

При этомъ святитель, богословъ и чудный церковный витія, вспоминаеть,—по его собственнымъ словамъ,—„нѣкоторыя черты, которыми духовное просвѣщеніе, или что то же, духовную мудрость изображаетъ Апостольское слово“: *изъясняетъ текстъ изъ посланія Іакова: яже свыше премудрость первоѣ убо чиста есть, потомъ же мирна, кротка, благопокорлива* (Іак. 3, 17).

„Вотъ мысли—говоритъ онъ въ концѣ своего отвѣта-поученія,—которыя встрѣтились мнѣ при Вашемъ, братіе, вступленіи на новое поприще дѣятельности, близъ котораго и меня поставили Вы Вашимъ избраніемъ. Что скажу въ отвѣтъ на сіе избраніе?—Уже не время мнѣ обѣщать Вамъ удовлетворительную, въ отношеніи къ Вашему Обществу, дѣятельность¹⁾. Однако не отказываюсь потому, что не могу по сердцу оставаться въ отношеніи къ Вамъ чуждымъ. По мѣрѣ силы и возможности будемъ *пещись* объ общемъ дѣлѣ и другъ о другѣ“. При семъ подписано: Филаретъ, м. Московскій, попечитель.

Нужно ли говорить о томъ, какимъ тихимъ и нѣжнымъ свѣтомъ просвѣчиваютъ въ этомъ отвѣтѣ-поученіи благоволительно выраженныя движенія чистаго *сердца* великаго святителя-отца, сознающаго откровенно свою приближающуюся старость, но еще полнаго сознательной любви и къ своимъ вѣрнымъ собратіямъ, и къ общему новому дѣлу.—Несомнѣнно для насъ, что свѣтскіе біографы митрополита Филарета слишкомъ мало знакомы съ внутреннимъ міромъ

¹⁾ Писалось это на 80-мъ году жизни м. Филарета.

великой и сложной души святителя, слишком односторонне, съ свойственнымъ всѣмъ позитивистамъ упрямствомъ, бьютъ въ наиболѣе видимыя и осязаемыя для всѣхъ стороны личности его—аналитическій умъ (*ratio*) и непреклонную волю, характеръ. Между тѣмъ въ томъ особенно и великъ до неподражаемости *геній* Филарета, что въ немъ съ рѣдкою для человѣка гармонією сочетались всѣ силы и способности духовной природы. Въ томъ и обаяніе его личности и образцовость его святого и мудраго служенія святой Церкви и отечеству, Богу и ближнимъ.

Мы говоримъ въ своей рѣчи о нѣкоторомъ маломъ, тонущемъ въ необъятномъ величій Филарета, но въ этомъ видимъ ясное указаніе на то, что и къ малому, какъ и къ великому было одинаково тщательное и глубоко-проницательное отношеніе у святителя. Онъ дѣйствовалъ и насъ научалъ дѣйствовать по принципу, указанному св. апостоломъ: *Кто соблюдаетъ весь законъ и согрѣшитъ въ одномъ чемъ нибудь, тотъ становится повиннымъ во всемъ* (Іак. 2, 10).

Да и въ чемъ приснопамятный Владыка-митрополитъ не остался для насъ навсегда высокимъ учителемъ? Онъ во истину образецъ *вѣрнымъ въ словъ, въ житіи, въ любви, въ духъ, въ вѣрѣ, въ чистотѣ* (I Тим. 4, 12).

Предсѣдатель Общества любителей духовнаго просвѣщенія,
Протоіерей Н. Боголюбскій.
